

Уста к устам. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Уста к устам. Владимир Владимирович Набоков

Еще рыдали скрипки, исполняя как будто гимн страсти и любви, но уже Ирина и взволнованный Долинин быстро направлялись к выходу из театра. Их манила весенняя ночь, манила тайна, которая напряженно встала между ними. Сердца их дрожали в унисон.

- Дайте мне ваш номер от гардеробной вешалки,- промолвил Долинин (вычеркнуто).

- Позвольте, я достану вашу шляпку и мантию (вычеркнуто).

- Позвольте,- промолвил Долинин,- я достану ваши вещи (между "ваши" и "вещи" вставлено "и свои"). Долинин подошел к гардеробу и, предъявив номерок (переделано: "оба номерка")...

Тут Илья Борисович задумался. Неловко, неловко замешкать у гардероба. Только что был вдохновенный порыв, вспышка любви между одиноким, пожилым Долининым и случайной соседкой по ложе, девушкой в черном; они решили бежать из театра, подальше от мундиров и декольте. Впереди мерещился автору Купеческий или Царский сад, акации, обрывы, звездная ночь. Автору не терпелось дорваться вместе с героями до этой звездной ночи. Однако надо было получить вещи, а это нарушало эффект. Илья Борисович перечел написанное, надул щеки, уставился на хрустальный шар пресс-папье и, подумав, решил пожертвовать эффектом ради правдоподобия. Это оказалось нелегко. Талант у него был чисто лирический, природа и переживания давались удивительно просто, но зато он плохо справлялся с житейскими подробностями, как например открывание и закрывание дверей или рукопожатия, когда в комнате много действующих лиц и один или двое здороваются со многими. При этом Илья Борисович постоянно воевал с местоимениями, например с "она", которое норовило заменять не только героиню, но и сумочку или там кушетку, а потому, чтобы не повторять имени собственного, приходилось говорить "молодая девушка" или "его собеседница", хотя никакой беседы и не происходило. Писание было для Ильи Борисовича неравной борьбой с предметами первой необходимости; предметы роскоши казались гораздо покладистее, но, впрочем, и они подчас артачились, застревали, мешали свободе движений,- и теперь, тяжело покончив с возней у гардероба и готовясь героя наделить тростью, Илья Борисович чистосердечно радовался блеску ее массивного набалдашника и, увы, не предчувствовал, какой к нему иск предъявит эта дорогая трость, как мучительно потребует она упоминания, когда Долинин, ощущая в руках гибкое молодое тело, будет переносить Ирину через весенний ручей.

Долинин был просто "пожилой"; Илье Борисовичу шел пятьдесят пятый год. Долинин был "колоссально богат" - без точного объяснения источников дохода; Илья Борисович, директор фирмы, занимавшейся устройством ванн в помещениях и, кстати сказать, получившей в тот год заказ облицевать изразцами пещерные стены нескольких станций подземной дороги, был вполне состоятелен. Долинин жил в России, вероятно на юге России, и познакомился с Ириной задолго до последней войны. Илья Борисович жил в Берлине, куда эмигрировал с женой и сыном в 1920 году. Его литературный стаж был давлен, но невелик: некролог в "Южном вестнике" о местном либеральном купце (1910 год), два стихотворения в прозе (август 1914 года и март 1917 года) там же, и книжка, содержащая этот же некролог и эти же два стихотворения в прозе,- хорошенькая книжка, появившаяся в разгар гражданской войны. Наконец, уже в Берлине, Илья Борисович написал небольшой этюд "Плавающие и путешествующие" и напечатал его в русской газете, скромно выходившей в Чикаго; но вскоре эта газета как-то испарилась, другие же органы печати рукописей не возвращали и ни в какие не вступали переговоры. Затем было два года литературного затишья: болезнь и смерть жены, инфляция, тысяча дел. Сын кончил в Берлине гимназию, поступил во Фрейбургский университет. И вот, в 1925 году, вместе с началом старости, благополучный и в общем очень одинокий Илья Борисович почувствовал такой писательский зуд, такую жажду - о нет, не славы, а просто теплоты и внимания со стороны читающей публики,- что решил дать себе полную волю, написать роман и издать его на собственный счет.

Уже к тому времени, когда герой, тоскующий, много испытавший Долинин, слышал зов новой жизни и, едва не застряв навеки у гардероба, ушел с молодой девушкой в весеннюю ночь, найдено было название романа: а именно: "Уста к устам". Долинин

Уста к устам. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru поселил Ирину у себя, но ничего между ними еще не было, - он хотел, чтоб она сама к нему пришла и воскликнула:

- Возьми меня, мою чистоту, мое страдание... Я твоя. Твое одиночество - мое одиночество, и как бы долго или кратко ты ни любил меня, я готова на все, ибо вокруг нас весна зовет к человечности и добру, ибо твердь и небеса блещут божественной красотой, ибо я тебя люблю...

- Сильное место, - сказал Евфратский. - Очень сильное.

- Что - не скучно? - спросил Илья Борисович, взглянув поверх роговых очков. - А? Вы прямо скажите...

- Она, вероятно, ему отдастся, - предположил Евфратский.

- Мимо, читатель, мимо, - ответил Илья Борисович (в смысле "пальцем в небо"), улыбнулся не без лукавства, слегка встряхнул рукопись, поудобнее скрестил полные ляжки и продолжал чтение.

Он читал Евфратскому роман небольшими порциями по мере производства. Евфратский, как-то раз нагрянувший к нему по случаю концерта, на который продавал билеты, был журналист с именем - вернее, с дюжиной псевдонимов: до тех пор Илья Борисович водил знакомство только в немецкой индустриальной среде, но уже теперь, посещая собрания, доклады, мелкие спектакли, знал в лицо кое-кого из так называемой пишущей братии, с Евфратским же очень подружился и ценил мнение его, как стилиста, хотя стиль у Евфратского был известен какой: злободневный. Илья Борисович часто звал его к себе, они пили коньяк и говорили о литературе - точнее, говорил хозяин, а гость жадно копил впечатления, чтобы потом ими развлекать приятелей. Правда, в литературе у Ильи Борисовича был вкус несколько тяжеловатый. Пушкина он, конечно, признавал, но знал его более по операм, вообще находил его "олимпийски спокойным и неспособным волновать". Из всей поэзии он наизусть помнил только "Море" Вейнберга и одно стихотворение Скитальца, где рифмуется "повешен" и "замешан". Любил ли Илья Борисович подтрунить над декадентами? Да, любил, но ведь, с другой стороны, он сам честно оговаривался, что в стихах мало смылит. Зато о русской прозе он рассуждал охотно, с жаром - уважал Лугового, ценил Короленко, находил, что Арцыбашев развращает молодежь... О беллетристике поновее он говорил, разводя руками: "Скучно пишут!", чем повергал Евфратского в какой-то тихий экстаз.

- Писатель должен быть с душой, - твердил Илья Борисович, - участлив, отзывчив, справедлив. Я может быть пустяк, ничтожество, но у меня есть свое кредо. Пускай хоть одно мое писательское слово западет кому-нибудь в душу... - И Евфратский мутными глазами смотрел на него, предвкушая с мучительной нежностью завтрашний мимический пересказ, утробный гогот того, чревоушательный писк этого...

И вот настал день, когда черновик романа был окончен. На предложение Евфратского пойти посидеть в кафе Илья Борисович ответил с таинственной вескостью: - Не могу. Я полирую слог.

Полировка состояла в том, что, ополчившись на слово "молодая", попадавшееся слишком часто, он заменил его там и сям словом "юная", которое произносил как будто в нем два "эн"; "юнная".

Через день, вечером, в кафе. Красный диванчик. Двое. По виду скажешь: дельцы. Один - солидный, осанистый, некурящий, с выражением доброты и доверия на полном лице; другой - тощий, густобровый, с двумя брезгливыми складками, идущими от рысьих ноздрей к опущенным углам рта, из которого косо торчит еще незажженная папироса. Тихий голос первого:

- Конец я написал одним порывом. Он умирает, да, умирает...

Молчание. Красный диванчик мягок. За окном проплывает, как рыба в аквариуме, насквозь освещенный трамвай.

Евфратский щелкнул зажигалкой, выпустил дмм из ноздрей и сказал:

- А почему бы вам, Илья Борисович, до выхода романа отдельным изданием, не пропустить его через журнал?

Уста к устам. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

- Я же не имею протекций... Кто возьмет? Печатают все одних и тех же.
- Пустяки. У меня есть идея, но ее еще надо хорошенько обмозговать.
- Я бы с радостью... - мечтательно произнес Илья Борисович.

Еще через несколько дней, в кабинете у Ильи Борисовича, изложение идеи:

- Пошлите вашу вещь, - Евфратский прищурился и вполголоса закончил: - "Ариону".

- "Ариону"? - переспросил Илья Борисович, нервно погладив рукопись.

- Ничего страшного. Название журнала. Неужели не знаете? Ай-я-яй! Первая книжка вышла весной, осенью выйдет вторая. Нужно немножко следить за литературой, Илья Борисович. - Как же так - просто послать?

- Ну да, в Париж, редактору. Уж имя-то Галатова вы, небось, знаете?

Илья Борисович виновато пожал толстым плечом. Евфратский, морщась, объяснил: беллетрист, новые формы, мастерство, сложная конструкция, русский Джойс... - Джойс, - смиренно повторил Илья Борисович. - Сперва дайте перестукать, - сказал Евфратский. - И, пожалуйста, ознакомьтесь с журналом.

Он ознакомился. В магазине ему дали пухлую розовую книгу, он ее купил, вслух заметив: - Молодое начинание. Нужно, знаете, поощрять. - Прекратилось молодое начинание, - сказал хозяин магазина. - Один номер всего и вышел.

- Вы не в курсе, - с улыбкой возразил Илья Борисович. - Я знаю достоверно, что следующий выйдет осенью.

Вернувшись домой, он бережно разрезал книжку. В ней он нашел малопонятную вещь Галатова, два-три рассказа смутно-знакомых авторов, какие-то туманные стихи и весьма дельную статью о немецкой индустрии, подписанную "Тигрин". "Никогда не возьмут, - с тоской подумал Илья Борисович. - Тут своя компания".

Все же он вызвал по объявлению в газете некую госпожу Любанскую (стенография и машинка) и стал с чувством ей диктовать, волнуясь, повышая голос, и все смотрел, какое впечатление производит на нее роман. Она порхала карандашом по блокноту - маленькая, черненькая, с экземой на лбу, а Илья Борисович ходил кругами по кабинету, суживая круги, когда приближалось эффектное место. К концу первой главы в комнате стоял крик.

- И вся прежняя жизнь показалась ему страшной ошибкой, - возопил Илья Борисович - и уже обыкновенным конторским голосом сказал: - Все это к завтрашнему Дню перепишите, четыре копии, оставьте поля пошире, завтра приходите, как сегодня.

Ночью он придумывал, что напишет Галатову, когда будет посылать роман: "...на строгий суд... сотрудничал там-то и там-то..." А наутро (такова прелестная предупредительность судьбы) Илья Борисович получил письмо: "Глубокоуважаемый Борис Григорьевич! Я узнал от нашего общего знакомого о новом вашем произведении. Редакции "Ариона" было бы интересно прочитать его, так как хотелось бы поместить в очередной книжке что-нибудь "свежее".

P. S. Как странно: я недавно вспоминал Ваши изящные миниатюры в "Южном вестнике"...

"Просит. Помнит..." - растерянно произнес Илья Борисович. Затем он позвонил Евфратскому и, как-то боком отвалившись в кресле, облокотившись о стол рукой, в которой держал трубку, а другой делая широкий жест, и весь сияя, затянул:

- Ну-у, голубчик, ну-у, голубчик, - и вдруг увидел, что блестящие предметы на столе дрожат, двоятся, плывут мокрым миражем. Он перемигнул, и все стало по своим местам, и усталый голос Евфратского томно отвечал: - Что вы... между коллегами... обыкновенная услуга... Поднимались все выше пять ровных пачек. Долинин, еще ни разу не обладавший Ириной, случайно узнал, что она увлечена другим, молодым художником... Иногда Илья Борисович диктовал в конторском кабинете, и тогда немки-машинистки, слыша отдаленный крик, дивились, кого это

Уста к устам. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru так распекает добродушный их шеф. Долинин с ней поговорил по душам, она ему сказала, что никогда не покинет его, потому что слишком ценит его прекрасную одинокую душу, но, увы, телом принадлежит другому, и Долинин молча поклонился. Наконец, настал день, когда он сделал завещание в ее пользу, настал день, когда он застрелился (из маузера), настал день, когда Илья Борисович, блаженно улыбаясь, спросил Любанскую, принесшую последнюю порцию переписанных страниц, сколько он ей должен, и попытался ей переплатить.

Он с увлечением перечел "Уста к устам" и одну копию передал Евфратскому для исправления (кое-какие изменения, там, где в скорописи были пробелы, внесла уже переписчица). Евфратский ограничился тем, что в одной из первых строк вставил красным карандашом темпераментную запятую. Илья Борисович аккуратно перевел эту запятую на экземпляр, предназначенный "Ариону", подписал роман псевдонимом, выведенным из имени покойной жены, закрепил страницы зажимчиками, приложил длинное письмо, все это всунул в большой удобный конверт, взвесил, сам пошел на почтамт и отправил роман заказным.

Квитанцию он положил в бумажник и приготовился к неделям трепетного ожидания. Однако ответ Платова пришел с чудесной скоростью, – на пятый день: "Глубокоуважаемый Илья Григорьевич! Редакция в полном восторге от Вами присланного материала. Редко доводилось нам читать страницы, на которых был бы так явственен отпечаток "человеческой души". – Ваш роман волнует своим лица не общим выражением. В нем есть "горечь и нежность". Некоторые описания, как, например, в самом начале описание театра, соперничают с аналогичными образами в произведениях наших классиков и, в известном смысле, одерживают верх. Я говорю это с полным сознанием "ответственности" такого суждения. Ваш роман был бы истинным украшением "Ариона".

Как только Илья Борисович немного успокоился, он вместо того, чтобы ехать в контору, пошел в Тиргартен, сел на скамейку и стал думать о жене, как она поразилась бы вместе с ним. Погодя он отправился к Евфратскому Евфратский лежал в постели и курил. Они вместе исследовали каждую фразу письма. Когда дошли до последней Илья Борисович кротко поднял глаза и спросил:

– Почему, скажите, стоит "был бы", а не "будет", ведь я же им даю с радостью, – или это просто для изящества оборота?

– Нет, тут, к сожалению, другое, – ответил Евфратский – Вероятно они из гордости скрывают. Но дело в том, что журналу крышка – да, это на днях выяснилось Публика, знаете, читает всякое дерьмо, а "Арион" рассчитан на требовательного читателя. Вот и получается...

– Я уже это слышал, – с тревогой сказал Илья Борисович – но я думал, это клевета конкурентов или невежество Неужели второго номера не будет? Это же ужасно.

– Денег нет. Журнал бессеребряный, идеалистический – такие, увы, погибают.

– Но как же, как же! – крикнул Илья Борисович, всплеснув руками. – Ведь они одобрили мою вещь, ведь они хотели бы ее напечатать!.. – Да не повезло, – равнодушным голосом произнес Евфратский. – А скажите, Илья Борисович... – и он заговорил о другом. Ночью Илья Борисович плотно подумал, кое-что сам с собой обсудил и, позвонив утром Евфратскому, поставил ему некоторые вопросы финансового свойства. Евфратский отвечал вяло, но необычайно точно. Илья Борисович подумал еще, и на следующий день сделал Евфратскому

предложение для передачи "Ариону". Предложение было принято, и Илья Борисович перевел в Париж некоторую сумму. В ответ на это он получил письмо с выражением нашей живейшей благодарности и с сообщением, что вторая книга выйдет через месяц. Постскриптом заключал вежливую просьбу: "Позвольте нам подписать роман не И. Анненский, как Вы предлагаете, а Илья Анненский". "Вы совершенно правы, – ответил Илья Борисович. – Я просто не знал, что уже есть литератор, пишущий под этим именем. Радуюсь, что мой роман увидит у Вас свет. Будьте добреньки, как только выйдет журнал, вышлите мне пять экземпляров". (Он имел в виду старуху-родственницу и двух-трех деловых знакомых. Сын по-русски не читал.)

Тут начался период в жизни Ильи Борисовича, который острословы обозначили коротким термином "кстати". То в книжной лавке, то на каком-нибудь собрании, то просто на улице, подходил к вам с приветом ("А! Как живете?") малознакомый,

Уста к устам. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru приятный и солидный на вид господин в роговых очках, заводил с вами разговор о том и о сем, заметно переходил от того и сего к литературе и вдруг говорил: "Кстати..."; при этом его рука судорожно ныряла за пазуху и мгновенно извлекала письмо, "Вот, кстати, что мне пишет Галатов - знаете? Галатов, русский Джойс". Вы берете письмо и читаете: "...редакция в полном восторге... наших классиков... украшением..." "Спутал мое отчество,- говорит Илья Борисович с добродушным смешком.-Знаете- писатель... Рассеянный... А журнал выйдет в сентябре, прочтете мою вещицу). И спрятав письмо, он прощается с вами и озабоченно спешит дальше.

Литературные неудачники, мелкие журналисты, корреспонденты каких-то бывших газет измывались над ним с диким сладострастием. С таким гиком великовозрастное хулиганье мучит кошку, с таким огоньком в глазах немолодой, несчастливый в наслаждениях мужчина рассказывает гнусный анекдот. Глумились, разумеется, за его спиной, но громко, развязно, совершенно не опасаясь превосходной акустики в местах сплетен. Вероятно до тетеревиного слуха Ильи Борисовича не доходило ничего. Он расцвел, он ходил новой, беллетристической походкой, он стал писать сыну по-русски с подстрочным немецким переводом большинства слов. В конторе уже знали, что Илья Борисович не только превосходный человек, но еще Schriftsteller (Писатель (нем.)), и некоторые из знакомых коммерсантов поверяли ему любовные свои тайны; "Вот вы опишите..." К нему, почуяв некий теплый ветерок, стала шляться изо дня в день - кто с черного хода, кто с парадного - разноцветная нищета. С ним был почитителен не один известный в эмиграции человек. Да что говорить - Илья Борисович оказался и впрямь окруженным уважением и славой. Не было такого званого вечера в интеллигентном доме, где бы не упоминалось его имени,- а как, с какой искрой, не все ли равно? Важно не как, а что,- говорит истинная мудрость.

В конце месяца Илье Борисовичу пришлось по делу уехать, и он пропустил появившееся в русских газетах объявление о скором выходе "Ариона". Вернулся он в Берлин усталый, озабоченный, поглощенный деловыми мыслями. На столе в прихожей лежал большой, кубообразный пакет. Он, не снимая пальто, мгновенно пакет вскрыл. Розовое, холодное, пухлое. И пурпурными буквами: "Арион". Пять экземпляров.

Илья Борисович хотел распахнуть один из них, книга сладко хрустнула, но не разжмурилась - еще слепая, новорожденная. Он попробовал опять,- мелькнули какие-то чужие, чужие стишки. Он перебрал тяжесть сложенных листов справа налево и попал на страницу с оглавлением. Он проехался взглядом по именам и названиям, но не нашел, не нашел... Книга попыталась закрыться, он попридержал ее, дошел до конца перечня - нету! Что же это такое, Господи, что же это... Не может быть... Просто выпало из оглавления,- это бывает, это бывает... Он уже оказался в кабинете и вот всадил белый нож в толстое слоистое тело книги. На первом месте- Галатов, потом- стихи, потом два рассказа, опять стихи, опять проза,- а уже дальше какие-то обозрения, какие-то статейки. Илья Борисович почувствовал вдруг утомление, равнодушие ко всему. Ну, что ж... Может быть, слишком много было матерьяла. Напечатают в следующем номере. Это уже наверняка. Но опять ждать, ждать... Ну, что ж... Он машинально выпускал из-под большого пальца нежные страницы. Хорошая бумага. Что ж, я все-таки помог... Нельзя требовать, чтобы меня вместо Галатова или... И тут... выпрыгнуло и закружилось, и пошло, пошло, подбоченясь, родное, милое: "...юная, едва оформившаяся грудь... еще рыдали скрипки... гардероб... весенняя ночь их встретила лас..." и на обороте страницы неизбежное, как продолжение рельсов после туннеля, "...ковым и страстным дуновением..."- Как же я сразу не догадался!-воскликнул Илья Борисович.

Озаглавлено было "Пролог к роману". Подписано было "А. Ильин"; и в скобках: "Продолжение следует". Маленький кусок, три с половиной странички, но какой кусок... Увертюра. Изящно. Ильин лучше Анненского, иначе все-таки могли бы спутать. Но почему "Пролог к роману", а не просто "Уста к устам", глава 1? Ах, это совершенно неважно.

Он перечел свои страницы трижды. Затем отложил книгу, прошелся по кабинету, небрежно посвистывая, как будто ровно ничего не случилось,- ну да, лежит книга,- книга как книга -в чем дело? Затем он бросился к ней и перечел себя еще восемь раз подряд. Затем он посмотрел в оглавление - А. Ильин, стр. 205 - нашел стр. 205, и, смакуя слова, перечел снова. Он еще долго так играл.

Журнал сменил письмо. Илья Борисович всюду ходил с "Арионом" под мышкой и при всякой встрече раскрывал его на привыкшей к этому странице. В газетах появились

Уста к устам. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru рецензии. В первой из них Ильин не был упомянут вовсе. Во второй написали: "Пролог к роману" Г. Ильина- какое-то недоразумение". В третьей было просто: "Еще помещены такой-то и А. Ильин". В четвертой, наконец (милый, скромный журнальчик, выходивший где-то в Польше), сказано было так: "Произведение Ильина подкупает своей искренностью. Автор отображает зарождение любви на фоне музыки. К несомненным достоинствам следует отнести литературность изложения". Начался третий период, после периода "кстати" и периода ношения книги: Илья Борисович извлекал из бумажника рецензию.

Он был счастлив. Он выписал еще пять экземпляров. Он был счастлив. Умалчивание объяснялось косностью, придирки –недоброжелательством. Он был счастлив. Продолжение следует, и вот, как-то в воскресенье, позвонил Евфратский:

- Угадайте,- сказал он,- кто хочет с вами говорить? Галатов! Да, он приехал на пару дней.

Зазвучал незнакомый, играющий, напористый, сладкоодуряющий голос. Условились.

- Завтра в пять часов у меня. Жалко, что не сегодня. -Не могу,- отвечал играющий голос.- Меня тащат на "черную Пантеру". Я кстати давно не видался с Евгенией Дмитриевной...

Актриса, приехавшая из Риги в русский Берлин на гастроль. Начало в половине девятого. Илья Борисович посреди ужина вдруг посмотрел на часы, хитро улыбнулся и поехал в театр. Театр был плохонький – не театр даже, а зал, предназначенный скорее для лекций, нежели для представлений. Спектакль еще не начинался, в холодном вестибюле потрескивал русский разговор. Илья Борисович сдал старухе в черном трость, котелок, пальто, заплатил, опустил жетон в жилетный карманчик и, медленно потирая руки, огляделся. Рядом стояла группа из трех людей: молодой человек, про которого Илья Борисович только и знал, что он пишет о кинематографе, жена молодого человека, угловатая, с лорнетом, и незнакомый господин, в пижонистом пиджаке, бледный, с черной бородкой, красивыми бараньими глазами и золотой цепочкой на волосатой кисти.

- Но почему, почему,- живо говорила дама,- почему вы это поместили? Вить...

- Ну что вы к бедняге пристали?- радужным баритоном отвечал господин.- Бездарно, допустим. Но, очевидно, были причины...

Он добавил что-то вполголоса, и дама, звякнув лорнетом, воскликнула:

- Извините, по-моему, если вы печатаете только потому, что он дает деньги...

- Тише, тише,- сказал господин.- Не разглашайте наших тайн.

Тут Илья Борисович встретился глазами с молодым человеком, мужем угловатой дамы, и тот как бы замер, а потом, вздрогнув, застонал и начал как-то напирать на жену, которая, однако, продолжала:

- Дело не в этом несчастном Ильине, а в принципах. -Иногда приходится ими жертвовать,- сдержанно отвечал баритон.

Но Илья Борисович уже не слышал и видел сквозь туман и, совершенно потерявшись, совершенно еще не сознавая ужаса происшедшего, а только стремясь инстинктивно поскорее отойти от чего-то стыдного, гнусного, нестерпимого, подвинулся было к смутному столику, где смутно продавались билеты, но вдруг судорожно повернул вспять, толкнул при этом спешившего к нему Евфратского и, очутившись опять у гардероба, протянул свой жетон. Старуха в черном,- 79, вон там... Он страшно заторопился, он уже размахнулся, чтобы влезть в рукав пальто, но тут подскочил Евфратский и с ним тот, тот...

- Вот и наш редактор,- сказал Евфратский, и Галатов, выкатив глаза и пытаясь не дать Илье Борисовичу опомниться, хватал его за рукав, помогая ему, и быстро говорил:

- Очень рад познакомиться, очень рад познакомиться, позвольте помочь.

- Ах, Боже мой, оставьте,- сказал Илья Борисович, борясь с пальто, с Галатовым,-

Уста к устам. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru оставьте меня-. Это гадость. Я не могу. Это гадость.

- Явное недоразумение,- молниеносно вставил Галатов.

- Оставьте, пожалуйста,- крикнул Илья Борисович и, вырвавшись из его рук, сгреб с прилавка котелок и, все еще надевая пальто, вышел.

- Что это, что это, ах, что это,- шептал он, шагая по тротуару, но вдруг растопырил руки: забыл трость.

Он машинально пошел дальше, а потом тихонько споткнулся и стал, точно кончился завод.

- Зайду за ней, когда они там начнут. Надо подождать...

Мимо проезжали автомобили, звонил трамвай, ночь была ясная, сухая, нарядная. Он медленно двинулся назад, к театру. Он думал о том, что стар, одинок, что у него очень мало радостей и что старики должны за радости платить. Он думал о том, что может быть еще нынче, а завтра наверное, Галатов будет объяснять, увещевать, оправдываться. Он знал, что надо все простить, иначе продолжения не будет. И еще он думал о том, что его полностью оценят, когда он умрет, и вспоминал, собирал в кучку крупы похвал, слышанных им за последнее время, и тихо ходил взад и вперед по тротуару, и погода вернулся за тростью.

Берлин, 1929 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!